

Когда время останавливается

О.А. Чижевская

АННОТАЦИЯ

Появление картины Андрея Звягинцева «Изгнание» (2007) явилось открытием иного взгляда на проблему возникновения духовного кризиса в семье. Этот фильм говорит со зрителем об актуальной для современной семьи проблеме, обращаясь к священным и фактически утраченным сегодня понятиям. Сосредоточенное рассмотрение внутрисемейных отношений в картине позволяет задуматься и о состоянии нравственного потенциала современного общества в целом.

«Вестник ВГИКа» публикует фрагменты из интервью киноведа О.А. Чижевской со сценаристом Олегом Негиным, написавшим в соавторстве с Андреем Звягинцевым сценарий к фильму «Изгнание». Целиком это интервью будет опубликовано в сборнике «Кинематограф Андрея Звягинцева», посвященном исследованию творчества одного из наиболее ярких режиссеров современного кино. Сборник включает рецензии на короткометражные фильмы А. Звягинцева «Бусидо», «Обскур» и «Выбор», аналитические работы, посвященные диптиху – фильмам «Возвращение» и «Изгнание», а также интервью с режиссером и деятелем искусства, материалы мастер-классов Андрея Звягинцева, анализ прессы и другие материалы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Олег Негин, «Изгнание», сценарий, драматургия, Андрей Звягинцев

Ольга Чижевская: Порой мы независимо от образования находим свое предназначение, призвание совершенно в других областях. Когда и как в вашей жизни произошло самоопределение?

Олег Негин: Дело в том, что я фаталист. Поэтому с самоопределением у меня туго. Боюсь, что определяет меня что-то или кто-то другой, другое. Вернее, «боюсь» – неточное слово: я просто в ужасе. В тихом ужасе. Впрочем, иногда бываю буйным.

О.Ч.: Что такое искусство для вас и какой вы видите в нем смысл?

О.Н.: Искусство для меня – смысл жизни.

О.Ч.: Часто люди искусства откровенно признаются, что по-

О. Негин в телепрограмме А. Гордона «Закрытый показ»

средством творчества разрешают собственные внутренние проблемы, избавляются от душевных противоречий, сбрасывают эмоциональный груз. Помогает ли в этом отношении творчество вам?

О.Н.: Когда я, что называется, нахожусь в творческом процессе, тогда имеет место полновесное ощущение того, что – да, помогает, спасает, очищает... Когда я ничего не делаю, когда нет вдохновения, без которого я не в

состоянии ничего делать, поэтому, увы, и не занимаюсь тем, что называется «ремесло», ну, то есть для меня мое творчество – это не профессия и в то же время это единственное, чем я занят. Но если представить себе некие весы, на которые мы положили бы на одну чашу – «процесс», а на другую – «простой», то, конечно, моменты вдохновенного труда перевешивают периоды болезненного безделья. Так что, видимо, все-таки помогает.

О.Ч.: *Расскажите о самом приятном и самом мучительном для вас моменте в творчестве.*

О.Н.: Разные вещи. Для меня. Ибо при том, что я фаталист, я все же не мазохист. Самый приятный момент для меня... это даже не момент, потому что время останавливается, когда ты понимаешь, что придумал, сочинил, когда обретаешь текст или когда находишься в процессе его обретения. Самый мучительный момент... тоже не момент, так как время начинает пятиться, вернее, даже не пятиться, а оно утекает куда-то назад и вбок... Так вот, самое мучительное для меня – это спустя какое-то время, когда «кухня» уже остыла, перечитывать собственный текст. Не знаю почему. Наверное, так сильно себя люблю, что даже не в силах встречаться с самим собой. Но приходится. Особенно будучи сценаристом. Хотя, с другой стороны, кажется, что ты и текст – вещи разные. Я же говорю – само-рефлексия, можно даже сказать самопоглощенность.

О.Ч.: *В этом «процессе обретения текста» у вас рождаются идеи. Можно ли это с чем-либо сравнить?*

О.Н.: У меня идеи не рождаются. Мне даже кажется: я никогда не говорю «у меня родилась идея», я говорю «есть идея», ну, или, по крайней мере, «появилась идея». Такое ощущение, что если они и рождаются, то где-то в другом, неведомом мне месте. Ко мне идеи приходят уже в готовом виде, остается лишь добавить кое-какие детали и передать дальше по назначению – часто, кстати, в стол, где, между прочим, живет им весьма уютно. Часто их появление

Фото: Владимир Мишуков

Сценарист Олег Негин

связано с приходом того самого вдохновения. Вот как-то так обстоят дела с идеями.

О.Ч.: *До работы над сценарием «Изгнания» обращались ли вы к элементам мифологии, ритуальности, к процессам, происходящим в духовном мире личности?*

О.Н.: Постоянно. Если вы откроете мои романы «П.Ушкин» и «Кипарис во дворе», вы увидите, что так оно и есть. Другое дело, что говорение, конечно, было другим. Впрочем, не знаю, как бы я сейчас говорил, если бы принялся писать роман. Кино – это все-таки режиссерское слово, так что «Изгнание» в любом случае принадлежит перу Андрея Звягинцева. Хотя, не скрою, порой накрывает чувство собственной важности, и даже бывает закрадывается подлая хлестаковская мысль: мол, все это я написал. Смеешься, конечно, над этим Хлестаковым в себе – с грустью, но смеешься – этаким Гоголем, да?

О.Ч.: *Вы сразу согласились на участие в написании сценария по столь сложной теме?*

О.Н.: Мне эта тема не казалась и не кажется сложной. Интересной, неисчерпаемой, завораживающей – да. Но не сложной. О моем согласии или несогласии речи не шло. Андрей дал мне прочесть литературный сценарий, написанный Артемом Мелкумяном. Это был отличный текст, производивший очень сильное впечатление, но он был слишком литературным. Так вот, я прочел, у меня возникли некие идеи, которые показались Андрею интересными, и мы стали их разрабатывать. Но не только в идеях тут дело, нам просто было

интересно работать вместе. Мы понимаем друг друга, хотя и весьма непохожи один на другого, весьма и весьма.

О.Ч.: Легко ли было переключиться с литературной формы на сценарную? Что легче пишется и почему?

О.Н.: Лично мне было легко. К тому же у меня имелся некий опыт: во-первых, я пытался работать на сериале, но не выдержал долго этого обезличивающего конвейера, во-вторых, мы с Андреем уже писали до этого одну двухсерийную историю, которая никуда не пошла. Но и вообще я из тех писателей, которые легко переключаются с одной формы на другую, главное, чтобы в этом был смысл жизни.

О.Ч.: Перед тем как оформиться в окончательном варианте, сценарию «Изгнания» пришлось преодолеть сложный путь. Расскажите об этом пути.

О.Н.: Боюсь, об этом проще написать книгу, нежели вот так, отвечая на вопрос... Понимаете, это два с лишним года жизни. Представьте себе. Нет, не могу рассказать – глыба неподъемная, в формате интервью по крайней мере. Возможно, я или мы с Андреем вместе напишем когда-нибудь что-нибудь об этом. Потому что было действительно интересно, захватывающе.

О.Ч.: Какие вещи приходили и писались легко и над какими приходилось долго работать?

О.Н.: Уф! Ну, вот, к примеру, «флэшбэк». Он пришел легко, а писался долго, постоянно встречались, созванивались с Андреем,

На съемочной площадке

Фото: Владимир Мишуков

Фото: Владимир Мишуков

А. Звягинцев и
О. Негин на съемках
фильма «Изгнание»

читали друг другу, правила. Или сцена «у переезда», диалог Алекса и Марка в машине, – Андрей считал, что сцены нет, а мне казалось, что все просто отлично. Многие в плане диалогов вообще передельвалось на площадке, больше убирали, ибо и Андрей, и Миша Кричман, и я изначально сходились во мнении, что поэзия в этой картине должна звучать в изо-

бражении, а не в слове. Кстати, в тексте Артема Мелкумяна было все наоборот – все шло через слово, через диалог.

Легко, надо сказать, не было никогда. Но в этом-то и суть. Поймите, мы не ищем легких путей, ибо хорошо понимаем, что в искусстве легких путей не бывает. Но главное, нам это в радость (это у нас в отечестве принято считать почему-то, что труд и палка – вещи нераздельные), со всем своим стремлением и любовью, хотя и через «не могу» порой.

О.Ч.: *В одном из интервью Андрей Звягинцев упомянул о том, что фильм «Изгнание» его изменил. Как повлияла работа над фильмом (обращение к сверхчувственному опыту) на вашу творческую жизнь, а быть может, и на личную?*

О.Н.: Мне кажется, я окончательно сошел с ума. Звучит, возможно, пугающе, хотя для меня это скорее приобретение, чем потеря. Ну и, само собой, это не могло не отразиться как на творческой, так и на личной жизни. Так что и изменило, и обогатило. Несомненно.

О.Ч.: *Как работалось над сценарием в тандеме с режиссером? Вы дополняли друг друга или, быть может, в спорах у вас рождалась истина?*

О.Н.: Хорошо работалось. Я уже говорил об этом: мы понимаем друг друга. Взаимодействовали всеми доступными способами – встречались на дому, работали в офисе, по телефону, по «мылу», за бутылкой вина... Много спорили, но чаще гармонично дополняли друг друга.

О.Ч.: *А на съемочной площадке?*

О.Н.: На площадке находиться интересно, ощущаешь, что участвуешь в реальном священнодействии. Однако я все-таки был там гостем – почетным, возможно, но никак не хозяином. Впрочем, меня такое положение вполне устраивает: люблю в гости ходить. Когда мне удавалось там оказаться, я по большей части сидел у монитора видеоконтроля. Когда Андрею требовалось мое мнение, я его вы-

сказывал. Бывали, конечно, случаи, что я встречал со своими идеями, несколько раз влезал как будто по поводу каких-то актерских дел, но таких казусов было мало.

О.Ч.: *Просматривали ли вы какие-нибудь фильмы, готовясь к работе над сценарием?*

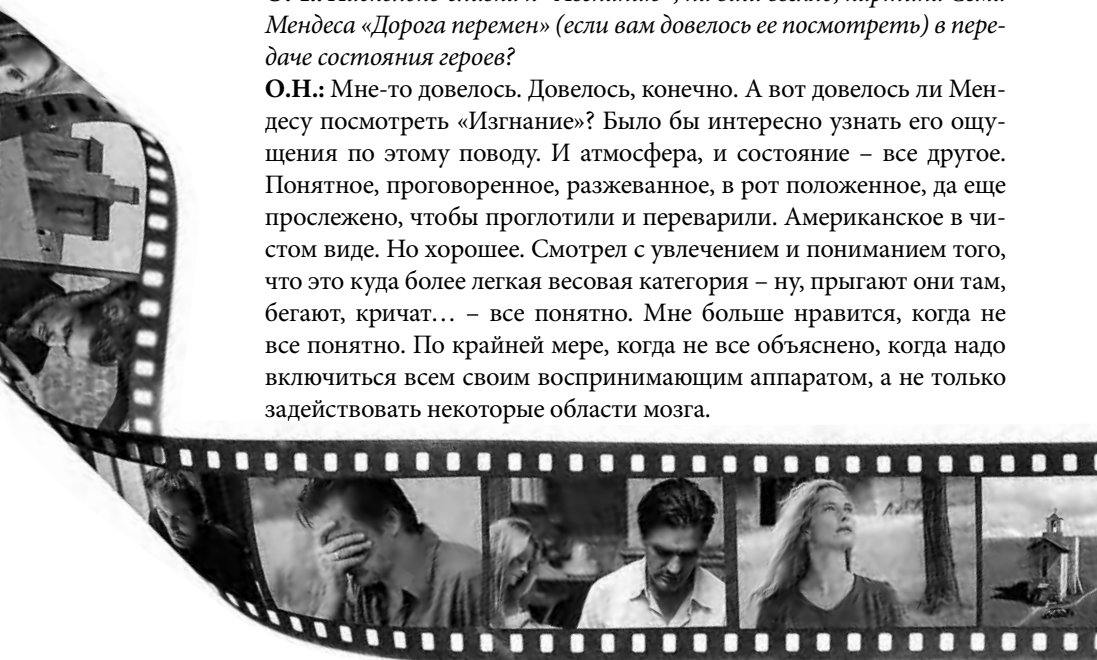
О.Н.: Много смотрел. Очень много. Разного. Всего не перечислишь. Но, так сказать, главные мои фильмы того периода – «Диллинджер мертв», «Сладкая жизнь»... Помните, кульминация всей истории, когда философ (или кто он там?) убивает своих детей и себя? Также не могу не сказать о фильме Вернера Херцога «Каждый за себя, а Бог против всех»... Да много всего, начинаешь вспоминать – прямо гора вырастает.

О.Ч.: *Насколько близка к «Изгнанию», на ваш взгляд, картина Сэма Мендеса «Дорога перемен» (если вам довелось ее посмотреть) в передаче состояния героев?*

О.Н.: Мне-то довелось. Довелось, конечно. А вот довелось ли Мендесу посмотреть «Изгнание»? Было бы интересно узнать его ощущения по этому поводу. И атмосфера, и состояние – все другое. Понятное, проговоренное, разжеванное, в рот положенное, да еще прослежено, чтобы проглотили и переварили. Американское в чистом виде. Но хорошее. Смотрел с увлечением и пониманием того, что это куда более легкая весовая категория – ну, прыгают они там, бегают, кричат... – все понятно. Мне больше нравится, когда не все понятно. По крайней мере, когда не все объяснено, когда надо включиться всем своим воспринимающим аппаратом, а не только задействовать некоторые области мозга.

О.Ч.: *Когда вы увидели на экране свою работу, испытали удовлетворение или это был пройденный этап?*

О.Н.: Удовлетворение – не то слово. Я испытал истинный катарсис. Причем не единожды. Это, видимо, связано с тем, что у меня все-таки нет полновесного ощущения, что это моя работа. Ощущение коллективного, общего дела, действия – да. Но картина как результат, все эти многочисленные смыслы, разветвления, листочки... много смыслов было заложено нами в сценарии, но картина в целом – это гораздо больше, нежели сценарий, так что это все-таки

картина Андрея, а я лишь кисти мыл... И это не ложная скромность. Это так по определению. В кино по-другому, мне кажется, быть не может. Ну, или это не кино уже, а какой-нибудь, я не знаю, аттракцион, скажем...

О.Ч.: *В вашем сценарии ощущается мощная патриархальная аура. На ваш взгляд, насколько образ мужчины, созданный в фильме, отвечает современным установкам? Ведь сегодня понятие о мужественности сильно искажено.*

О.Н.: А вот давайте не будем отходить от архетипичности, не станем мерить простым аршином. Тем более что, я уверен, простых людей не бывает. Когда я слышу от человека, что он называет себя простым, я настораживаюсь – он либо врет, либо дурак. А что такое «современные установки» – я, признаться, вообще не понимаю. Все современно, что создано в современности. Но каждая вещь требует особенного подхода. Если на каждую вещь смотреть одинаково, то и видеть будешь только одно. Нельзя же, согласитесь, смотреть одними и теми же глазами на Родригеса и Рейгадаса или, скажем, на братьев Коэнов и Махмальбафа. Что же касается понятия мужественности, то, на мой взгляд, искажается нынче понятие женственности. Весь двадцатый век искажалось, и в двадцать первом продолжается та же история. И вот, глядя на мир из этого искаженного образа, женщине кажется, что искажается понятие мужественности, или, возможно, ей хотелось бы, чтобы оно искажалось, женщина пытается навязать эту мысль мужчине... Я уверен, что даже если эта идея – о том, что понятие мужественности искажается, – первым была озвучена мужчиной, мысль эту нащептала женщина.

О.Ч.: *И напоследок давайте немного о вечном. В драматургии главной задачей считается борьба человека за счастье, а что такое счастье для вас?*

О.Н.: Счастье – это когда меня понимают.

О.Ч.: *Хотелось бы узнать ваше мнение и еще на один вечный вопрос. Героиня фильма Вера говорит о возможности бессмертия для людей. Что такое бессмертие для вас?*

О.Н.: Вера не говорит о возможности бессмертия. Она говорит, а скорее, восклицает, и в этом восклицании для меня больше слышен вопрос, нежели утверждение: «Можно ведь жить не умирая! Ведь есть такая возможность!» Понимаете? Можно жить – умирая, а можно – не умирая. «Не умирая» не значит «вечно». «Не умирая» значит «в ином направлении», что ли. В каком? Вот так вот рукой – туда, мол, идите – не покажу. Но знаю точно: это одна из сторон света. Алекс в финале, мне кажется, видит – и сторону, и свет. ■